

ВЕСЬ БУЛГАРИН

МАЗЕПА

Предисловие

Мнения насчет романов различны. Многие любители чтения и даже некоторые литераторы, особенно у нас, в России, требуют от романа одной занимательности происшествий и думают, что сей род словесности должен служить только для забавы. Неоспоримо, что занимательность в романе вещь необходимая, но дело в том, что она должна быть только путеводительницею к главной цели, а цель сия не должна быть одною забавою праздности. Роман должен служить автору средством или к развитию какой-либо философической идеи, или к освещению тайников сердца человеческого, или к пояснению характера исторического лица. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало.

Весьма далек я от того, чтоб иметь притязания на сравнение себя с уважаемыми мною

романистами Франции и Англии, однако же придерживаюсь их мнения насчет цели романа, состоящей в том, чтоб по древнему правилу: поучать забавляя. Действовал я и буду действовать единственно в сем убеждении и утешаюсь мыслию, что есть люди, которые поняли чистоту моих намерений.

В романе я предпринял представить очерки характера Мазепы, так как я понял его по истории и по преданиям. Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только — добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть.

Вот тема моего романа!

В нынешнее время в Малороссии и в Украине просвещение разлито в большей массе, нежели было до преобразования России, но тогда просвещение было виднее, ибо сосредоточивалось в малом числе избранных и составляло резкую противоположность с дикостью Запорожья и Заднепртя, где все достоинство человека поставлялось в удалстве и наездничестве. Палей избран мною в представители сего удалства, и характер его очерчен также сообразно с историею и преданиями.

Все прочие лица, входящие эпизодически в роман, носят на себе отпечаток тогдашнего века;

образованность ума с дикостью нравов.

Изображение характера Петра Великого и Карла XII не входило в план моего романа. Я коснулся их только мимоходом.

Лорд Байрон и А. С. Пушкин воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: романтической любовью его в юности и в старости, с занимательными и ужасными последствиями сей необузданной страсти. Я почел благоразумным не входить в совместничество с столь отличными дарованиями и не коснулся того, что уже изображено английским и русским поэтами. Я ограничился политическим характером Мазепы, представив его, если смею так выразиться, в рамках частной его жизни. Для завязки романа я ввел вымышленные лица.

Исторические события, рассказываемые от имени автора, верны; но в происшествиях не соблюдено в точности хронологического порядка, ибо цель романа, как выше сказано, есть изображение характера Мазепы, а не история Малороссии.

Часть первая

*Возьмем же истины зеркало,
Посмотрим в нем твоих лучей;
Ехиднино раскроем жало,
Сокрытое в груди твоей.
Исследуем твои деянья,
Все виды, козни и желанья, -
И обнажим тебя всего.*

Державин

ГЛАВА I

*Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благодсти душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?*

Державин

Южная Россия, ныне тихая, населенная, процветающая, была подвержена непрерывным волнениям и смутам, от пришествия варягов до основания империи Петром Великим. Междоусобные брани удельных князей, набеги татар, продолжительная и кровавая борьба с храбрыми единоплеменными соседями и народные смятения истощили богатую от природы страну, остановили ход просвещения и, утомив

воинственных жителей, сделали их, наконец, беспечными к собственной участи. Вельможи, составлявшие всю силу аристократической Польской республики, воспользовались благоприятными обстоятельствами и, покорив лучшие области Южной России, обременили народ тяжким игом рабства. Но бедствия, угнетавшие страну, не истребили в храбрых ее жителях духа народности, основанного на православной вере, и священная память русской независимости сохранялась в народе, подобно неугасаемому огню древних язычников. Со времени первого нашествия татар на Южную Россию толпы отважных ее защитников, будучи не в силах спасти отечество и влекомые любовью к независимости и чувством народной самобытности, удалились в пустыни и на диких берегах Днепра, возле порогов, в густых камышах и неприступных засеках Сечь, вероятно, происходит от слова засека. Естественное укрепление есть засека в местах лесных, а вал и ров в полях, основали беспримерную дотоль в мире подвижную военную республику, получившую впоследствии название Сечи Запорожской. В течение нескольких столетий Сечь держалась и укреплялась новыми пришельцами из поращенной родины и удальцы из соседних и дальних стран сохраняли древние воинские обычаи предков. Презирая негу, живя добычею и почитая

дикую независимость превыше жизни и всех ее наслаждений, запорожцы исключили женщин из воинского своего пристанища как лишнее бремя для человека, посвятившего себя в вечную войну. Вольное Запорожье не признавало ничьей власти и ничьих прав в порабощенном отечестве и жестоко отмщало потомкам Орд Батыевых и соотчикам польских вельмож за прошлые и настоящие бедствия Южной России, питая в жителях ее надежду к освобождению и поддерживая в народе воинственный дух. Надежда сия исполнилась, ибо основана была на справедливости. Созрели горькие плоды угнетения: ненависть и жажда мести, и мужественный, предприимчивый Зиновий Хмельницкий, восстав с горстью запорожцев против притеснителей, воззвал к оружию весь народ Малороссии и Украины, свергнув польское иго и возвратил России древнее ее достояние. Облеченный в звание гетмана, или предводителя освобожденного народа, Хмельницкий, признавая власть русского царя, управлял Малороссиею и Украиную, как независимый владелец, на основании дарованных им прав и пребыл верен России. Но последовавшие за ним гетманы, избираемые вольными голосами, мучимые честолюбием, алчностью к богатству и подстрекаемые поляками, татарами, турками и волошскими господарями, завидовавшими

возникающему могуществу России, беспрестанно нарушали долг присяги и подданства, изменяли русским царям, возмущали народ, губя собственную родину и уязвляя общее отечество, Россию. Не имея постоянного, устроенного войска, Россия не могла держать в пределах законного повиновения вооруженный народ Малороссии и Украины. В опасностях и нуждах государства русские цари, наученные опытами, не смели полагаться на верность и помощь гетманов малороссийского народа, приученного к буйству и своеволию собственными старшинами. Политика тогдашнего российского двора требовала употреблять все возможные средства, чтобы иметь в гетмане человека верного и преданного престолу, и когда царица Софья Алексеевна объявила себя правительницею государства, тогда любимец и первый ее советник, ближний боярин, государственных великих и посольских дел сберегатель, князь Василий Васильевич Голицын, отправился в Малороссию для избрания гетмана, преданного пользам царицы. По доносу генерального есаула Мазепы, гетман Самойлович, верный царям и чести, низложен и сослан в Сибирь, а на его место избран, происками Голицына, сам доносчик. Вознаграждая неблагодарность и гнусную измену, вопреки нравственности, князь Голицын посеял семена, которые принесли свои

ядовитые плоды.

Генеральный есаул войска Малороссийского, Иван Степанович Мазепа, славился умом, познаниями в науках, искусством и ловкостью в делах письменных и государственных. Он употребляем был гетманами Дорошенком и Самойловичем при труднейших переговорах с русским двором, в сношениях с Польшею и с Крымом и заслугами достиг до почетного звания генерального старшины. Но при всем уме своем и ловкости он не имел в войске друзей, которые приобретаются сердцем, а не головою, и без влияния князя Голицына никогда бы не был избран в гетманы. В сем звании он вел себя весьма осторожно: во время насильственных потрясений, бывших в Москве, до принятия Петром Великим единодержавной власти, Мазепа держался всегда первенствующей стороны и повиновался одной силе. Будучи избран в гетманы противу воли и желания старшин и заслуженных родов в войске, Мазепа имел нужду в подпоре и потому искал покровителей при дворе Московском. Угодливостью и покорностью он снискал дружбу многих русских вельмож, приближенных к престолу, а верною и усердною службою приобрел милость самого государя.

В самую трудную и самую блистательную эпоху бытия России, во время ее перерождения,

великий ее преобразователь имел нужду в верных и умных исполнителях своих исполинских предначертаний. По неотъемлемой принадлежности гения Петр умел находить их во всех сословиях народа, и сей гений, открывший чрез грубую оболочку невежества необыкновенный ум в юном Меншикове, не мог не оценить по достоинству изощренного науками и опытностью разума Мазепы. Государь, пользуясь советами и содействием гетмана в великих своих подвигах, наградил его первыми государственными почестями и почтил полную доверенностью, которую Мазепа оправдывал двадцатилетнею верною службой.

Петр Великий созидал среди пожара и разрушений. Когда великое дело преобразования России уже начинало процветать, вся Северная Европа объята была пламенем войны. Петру невозможно было утвердить величие России на прочном основании без возвращения отторгнутых Швецией приморских областей и без ослабления беспокойного соседа, Польши. Но сей подвиг, казавшийся сначала легким, породил, по мере исполнения, непреодолимые трудности. Швеция произвела героя, равного Петру по воинской доблести и твердости душевной, который, повелевая народом мужественным, решился или погибнуть, или погубить соперника своего. С

переменным счастьем, хотя с существенными выгодами для России, война продолжалась и на суше и на водах, пока, наконец, Карл XII, устранив Данию, опустошил Саксонию и, обессилив Польшу посеванием в ней междоусобия, вознамерился вторгнуться в сердце России, лишенной всех своих союзников, свергнуть с престола Петра, так же как свергнул Августа в Польше, и разрушить до основания все великие начинания, долженствовавшие, по созрению своем, вознести Россию на нынешнюю степень могущества. Приближалась решительная минута! Карл XII надеялся найти в России недовольных правлением Петра и не стыдился смущать подданных своего соперника льстивыми, хотя лживыми обещаниями. Петр Великий готовился с твердостью встретить врага в пределах своих и, зная народный русский характер, не опасался обманчивых наущений иноплеменника. Только Малороссия и Украина, еще не сросшиеся с Россией и напитанные буйством прежних своих владетелей, несколько беспокоили государя; но там управлял Мазепа и государь, надеясь на испытанную его верность и на необыкновенную проницательность его ума, отдалял от себя все сомнения насчет того края и был совершенно спокоен. Мудрейшие государи могут только постигать ум и судить дела человека: сердце остается тайною до тех пор, пока участь

сильного не будет зависеть от воли слабого. Только в несчастьи познается верный друг и бескорыстный слуга. Петр Великий не знал сердца Мазепы: оно открылось в опасности, угрожавшей государю.

Ни один гетман не управлял войском малоросским столь самовластно и вместе столь блистательно, как Мазепа. Его воля была законом для народа, а дарованные народу права — орудием к утверждению гетманской воли. Имея власть делать добро и зло, Мазепа приобрел приверженцев, которые находили свои выгоды в оказывании ему беспредельной преданности; но не имел искренних друзей, кроме племянника своего, Войнаровского, и питомца, Орлика, нераздельно связанных судьбою с участью гетмана. Старшины войсковые ненавидели его; но не смели обнаруживать своих чувствований. Примерная казнь доносчиков на гетмана и угнетение недовольных его правлением заставляли молчать всех его противников, а пешие полки гетманской стражи, называемые сердюками, набранные из вольницы, пользуясь преимуществами и наградами, устрашали народ и содержали его в повиновении. Мазепа жил с невиданною дотоле пышностию, в новом своем дворце, построенном в Батурине по образцу палат знатных польских вельмож. Здесь он угощал роскошно царских посланцев, генеральных старшин Чины в малороссийском войске

сохранились те же, что были в старинном Польском Войске и в Республике. (См. о сем Историю Малороссии, соч. Бантыша-Каменского.) и полковников войска малороссийского, раболепствовавших пред властью гетмана. Но лаская и награждая старшин, оказывающих ему преданность, Мазепа устранил их от совещания в делах, по древнему обычаю, и сам сносился с государем и его вельможами, повелевая войском от своего имени. В Малороссии и русской Украине никто не смел рассуждать о пользе или вреде гетмановых распоряжений. Честь, имущество и свобода каждого жителя Малороссии зависели от воли гетмана, поправшего дарованные народу права.

В то время, с которого начинается сие повествование, несколько малороссийских полков находились на службе при войске русском, действовавшем в Ливонии, в Польше и в северных областях России, противу шведов и поляков, принявших сторону новоизбранного короля Станислава Лещинского. Остальным полкам отдан был приказ приготовляться к походу. Многие полковники и генеральные старшины, прибывшие в Батурин для личных объяснений с гетманом, уже две недели ожидали позволения представиться ему. Мазепа сказывался больным и никого не допускал к себе, кроме Войнаровского и Орлика, через

которых передавал старшинам свои приказания. Враги и приверженцы Мазепы с равным нетерпением, хотя и с противоположными чувствованиями, ожидали прибытия врача, за которым послали нарочного в польскую Украину. Наконец, врач прибыл в Батурин и остановился во дворце гетманском.

После пробития вечерней зари на литаврах, перед дворцом гетмана, Мазепа отпустил на покой всех слуг своих и остался в почивальне своей с племянником своим, Войнаровским. В ближней зале стоял у дверей, на страже, неотступный слуга гетмана, немой татарин. Сей татарин был в детстве полонен запорожцами, и свирепый Дорошенко, умертвив его родителей, отрезал язык безмолвному ребенку, чтоб иметь впоследствии скромного слугу; но, будучи недоволен мальчиком за его угрюмость и упрямство, подарил другу своему, Мазепе. Ненависть к христианам, особенно к казакам, возрастала с летами в мстительной душе татарина за причиненное ему увечье и смерть родных, но он скрывал свои чувствования и, оказывая преданность своему господину, как злой дух питался только чужими бедствиями и страданиями. Один Мазепа понимал условные знаки татарина, и как в войске и в доме почитали его глухим, то гетман употреблял его для подслушивания чужих замыслов, которые долженствовали оставаться

навсегда в тайне. Татарин, стоя на страже, трепетал от радости в уверенности, что ночная беседа гетмана породит для кого-нибудь бедствие, и, как вран, ожидал добычи.

Мазепа сидел в задумчивости перед столом, на котором развернуты были карты Польши, России и Украины. Он был в турецком халате и в больших бархатных сапогах. Голова его покрыта была небольшою красною скуфьею, или феской. Хотя ему было уже за шестьдесят лет, но он имел вид бодрый. Блестящие, быстрые глаза оживляли бледное лицо его. Он то покручивал длинные седые свои усы, то посматривал на своего племянника, который стоял безмолвно возле стола, опершись на саблю, и ожидал с нетерпением окончания прерванного разговора. Наконец, Мазепа сказал:

— Любезный племянник! я воспитал тебя как царевича и имел попечение о тебе, как о родном сыне. Ты последняя отрасль моего рода и единственная моя надежда! Досель я употреблял тебя в одних воинских делах, но теперь укажу тебе поприще, на котором тебе нужны будут и доблесть воина, и проницательность государственного человека. Я открою тебе тайну, от которой зависит моя жизнь, честь и благо целой Малороссии. Слушай со вниманием! До сих пор ты не посвящен был в тайнства моей политики и не знал положения наших дел. Но клянись мне, что ты ни словом, ни

делом, ни помышлением не нарушишь верности ко мне!

— Можете ли вы сомневаться, мой отец, мой благодетель? Клянусь Богом и всеми святыми, что ни смерть, ни мучения не заставят изменить вам!

— Итак, слушай! На старости лет мне предстоит совершение подвига, на который напрасно покушались мои предшественники, после храброго, но недальновидного Зиновия Хмельницкого. Я решил отложиться от России, основать независимое государство, укрепить его союзами с соседними владителями, враждебными России, и тобой продлить род мой, на сооруженном мною престоле. Теперь или никогда!..

Трепет пробежал по всем жилам молодого человека, и вся кровь в нем взволновалась. Предстоящие опасности, слава и величие воспламенили в одно мгновение, как порох, пылкий ум и честолюбивую душу племянника Мазепы. Войнаровский встряхнул саблю, на которую упирался, ударил ею в пол и воскликнул:

— Независимость или смерть... Теперь, сей час!..

— Да, теперь или никогда! — сказал с жаром Мазепа и, помолчав, продолжал: — Если Петр останется победителем в сей войне, то он вознесет Россию на высочайшую степень могущества, и тогда Малороссия исчезнет как песчинка в степи.

Если б я был на месте Петра, я также не согласился бы, ни за какие выгоды, иметь в своих владениях отдельную военную полуреспублику, которая гораздо более может вредить государству, нежели приносить пользы. Уже Петр намекал мне об этом, и когда я, в качестве гетмана Малороссийского, стал горячо возражать, — он затворил мне уста пощечиной! Пощечина эта врезалась у меня в ум и, как неизлечимая язва, осталась на сердце. Я отомщу, отомщу не как оскорбленный раб, а как разгневанный владелец: буду воевать с русским царем и не допущу, чтоб та рука, которая поднялась на гетмана Малороссии, сломила мою гетманскую булаву и разодрала нашу войсковую хоругвь! Герой Севера, Карл, предлагает мне союз. Король польский, Станислав Лещинский, обещает уступить области, на которые Польша предъявляет права свои. Хан крымский ждет только моего согласия, чтоб соединиться со мною. Султан турецкий и волошский господарь дают деньги, и я едва ли буду не сильнее Петра, истощенного войною, постройкою флота и городов! Духовенство предано мне совершенно, страшась потерять свои вотчины, а народ Малороссийский, послушный моей воле, с радостью возьмется за оружие, когда я объявлю ему, что восстаю за его права. Правда, между поковниками и генеральными старшинами у меня есть враги, но я от них скоро отделаюсь. Одна

трудность в том, что не вся Украина в моей власти. Кошевого атамана Сечи Запорожской, Гордеенку, я надеюсь склонить на свою сторону. Гетман Польской Украины, Самусь, при всей храбрости своей, человек простой, недалёковидный и легко может быть увлечен моими советами. Страшен мне один Палей! Это старая лисица в волчьей шкуре! В течение двадцати лет я не могу с ним управиться! Прежде он служил полякам, теперь враждует с ними и, признавая над собою власть русского царя, нося звание полковника Хвастовского, отложился от меня, завладел целым Заднепровьем Польским и сидит царьком в белой Церкви, набирая подати с пограничных жителей и разоряя Польшу. Ни обвинения мои, ни жалобы не имеют никакого действия при дворе Московском, и царь велел мне сказать, что если я хочу предать суду Палея, то должен представить его вместе с обвинительными актами. Вот в чем все мое горе! Пока Палей жив и свободен, я не могу ничего начать. Он имеет сношения с моими врагами, слывет богатырем в войске, и если б я восстал противу царя московского, то он мог бы произвести замешательство даже в моих полках и переманить большую часть к себе. У меня воинский порядок, а у него дикая вольность; у меня для казака труд и тяжкая служба, а у него праздность и грабеж. Хитрый Палей не дремлет и беспрестанно

наблюдает за мною. Верно, он догадывается о тайных связях моих с Польшою, что прислал сюда двух своих посланцев будто бы с предложением мира и покорности, а в самом деле для шпионства. Но он меня не обманет: я знаю обоих его молодцев! Огневик хотя молод, но хитер и смышлен. Он воспитан у иезуитов и служит вместо секретаря при Палее. Иванчук был писарем при Дорошенке. Этот старик, при всей дикости своей, ловок в делах и искусен во всех пронырствах. Они здесь ничего не узнают, но и я от них ничего не выпытаю, а потому не хочу даже видеть их и тебе, племянник, запрещаю видеться с ними. Пусть Орлик ведет с ними переговоры, пока я велю их выслать восвояси. Дело с Палеем я поручу иезуиту Заленскому, посланцу короля Станислава, и надеюсь, что иезуитская хитрость переможет запорожское пронырство. Но теперь нам надобно начать с того, чтоб посеять неудовольствие в войске нашем, приготовить все к наступающему пожару, и как я никому не верю и ни на кого не смею положиться, то избрал тебя, чтоб бросить первую искру...

— Дядюшка! Я готов на все! Приказывайте! За вас готов пролить последнюю каплю крови!..

— Нет, любезный племянник! Пусть проливает за нас кровь наш народ, а мы должны щадить кровь свою и действовать умом. Первая добродетель, в твоём положении, должна быть —

скромность, а первое искусство в нашем деле... как бы это назвать! благоразумие, то есть умение казаться тем, чем надобно быть для успеха предприятия, именно то, что простодушные люди называют притворством.

— Дядюшка! — возразил молодой человек, посмотрев на Мазепу с удивлением. — Я не учился притворству и не могу вдруг сделаться искусным в этом ремесле!

— Учись, а если не хочешь, так откажись от желания управлять людьми и достигнуть первой степени могущества. Мне, в моем звании, невозможно сблизиться с моими подчиненными; но ты можешь и должен искать друзей и приверженцев, а в этом иначе нельзя успеть...

Молодой человек не мог вытерпеть и снова прервал слова дяди, сказав:

— Но друзья приобретают откровенностью, простосердечием, а не притворством!..

— А кто ж тебе запрещает казаться откровенным и простосердечным? Но быть и казаться большая разница! Искренностью, при великом предприятии, ты предаешь себя во власть того, с кем ты откровенен, а только казавшись искренним, овладеешь человеком по мере возбуждения в нем истинной к тебе доверенности. Не открывай никому своих намерений, но умей вперить в каждого свой образ мыслей, заставь

открыться себе и кажись убежденным чужими доводами. Люди тогда только усердно служат и помогают другому, когда убеждены, что действуют своим умом, ибо тогда они уверены, что действуют для собственной пользы. Я открыл тебе все мои надежды, потому что ты — другой я, и что я только насаждаю древо, с которого ты, с твоим потомством, соберешь плоды. Но до тех пор, пока я не прикажу ударить на московские полки, никто в войске моем не должен даже догадываться о моем намерении, — никто, понимаешь ли?

— Как никто! неужели и Орлик, и Чечел, и Кенигсек? — спросил с изумлением Войнаровский. — Эти люди преданы вам душевно, дядюшка!

— Преданы! Но зачем мне без нужды испытывать их верность? Помни слова молитвы: «...и не введи нас во искушение»! Человек слабое творение, любезный племянник. Им должно действовать как орудием, взяв крепко в руки, но не должно опираться на него, из опасения, чтоб не сломился. Большая часть людей привержена к власти, а не к человеку, имеющему власть, и если верность моих приверженцев положить на весы между мною и царем московским, то, быть может, весы поколеблются и перетянут на царскую сторону! На великий, решительный и опасный подвиг людей надобно вызывать в последнюю

минуту, перед начатием дела, чтоб они не имели времени рассуждать и совещаться, а до тех пор должно только ласкать их и привязывать к себе. Пуля оттого бьет крепко, что вылетает из ружья быстро, а кто заряжает его осторожно, тот более уверен в успехе. Ты должен начать с распространения слухов, будто царь объявил решительно, что по окончании войны он намерен переселить казаков к новому городу, Петербургу, и уничтожить казатчину. Но не говори, что ты сам слышал это, а только спрашивай, правда ли, будто об этом поговаривают в войске. Стоит только породить мысль и бросить ее в народ, а она сама распространится, если вымышленное дело опасно для всех и предосудительно для власти. Люди так созданы, что скорее верят злomu, нежели добромu...

— Позвольте заметить вам, дядюшка, что если вы почитаете Палея столь опасным для себя, то не лучше ли начать с того, чтоб распространить в войске какие-нибудь вредные вести на его счет?

— Сохрани тебя от того Бог! — возразил Мазепа. — Помни слова философа Сенеки: *Professa produnt odia vindictae* *Jocum* То есть, обнаруживая ненависть, мы лишаем себя средств отмстить... Все знают, что Палей враг мой; каждое двусмысленное твое слово об нем будет сочтено злым намерением противу него и, вместо вреда, принесет ему пользу. Напротив того, ты должен восхвалять Палея,

превозносить его, сожалеть о неприязни его ко мне и обнаруживать желание о нашем примирении. Этим ты усыпишь друзей его, а порицанием ты только разбудишь их. Что же касается до царя, то все знают, что он ко мне милостив, что я предан ему и служу верно, и нас не станут подозревать в выдумке злых вестей противу него. Надобно так устроить, чтоб войско, веря в угрожающее ему бедствие, думало, что я также согласен с царем на переселение казаков и уничтожение войска. Пусть меня подозревают в измене войску, пусть бранят, проклинаят, и тогда-то узнав, наконец, что я восстаю для защиты народа, жертвуя милостию царскою, все с восторгом пристанут ко мне, не подозревая, что умысел составлен мною и для нас ... Понимаешь ли теперь дело, племянник?

— Я удивляюсь вашей мудрости, дядюшка! Но, признаюсь, мне было бы приятнее, если бы вы поручили мне такое дело, которое надлежало бы начать и кончить саблею. Я новичок в политике и опасаясь, чтобы не оступить на этой скользкой стезе...

— Держись за меня, племянник, и не зевай, а все будет хорошо. Сабля, племянник — *ultima ratio*, но и сабля сокрушается умом. Медведь сильнее человека, а человек заставляет его плясать под палкой. Теперь позови патера Заленского. Надобно отпустить его. Пребывание его здесь может

возбудить подозрение, если посланец Палея, Огневик, узнает его. Иезуит требует от меня решительного ответа на предложение королей приступить к их союзу. Надобно отделаться от него так, чтоб он не знал ничего решительного.

— Но вы уже решились, дядюшка?

— Решился, но этого не должны знать те, которым нужна моя решительность! Не так я глуп, чтоб, полагаясь на одни обещания, вверил участь свою людям, которым я нужен только как орудие к их собственным пользам. Короли могут завтра примириться с царем и, в залог своей искренности, предать меня. Нет, они не проведут меня! Я сам извещу царя о делаемых мне предложениях королями и тем обеспечу себя на всякий случай. Королям же буду обещать все и исполню, когда это не будет сопряжено с опасностью измены с их стороны. Надобно забавлять их до поры до времени, а когда настанет решительная минута, тогда положение дел покажет нам путь, на который должно устремиться. Ступай же за иезуитом!

Войнаровский вышел, не говоря ни слова, чтоб позвать иезуита, а Мазепа, покачав головою, сказал про себя: «Молодость! молодость! Пусть он верит в наследство!.. Оно, в самом деле, может достаться ему, если я останусь бездетным. Но за это еще нельзя поручиться!..» В ожидании иезуита Мазепа стал снова пересматривать карту Польши,

на которой означены были предполагаемый путь и становища шведского войска из Саксонии в Украину.

Дверь отворилась, и за Войнаровским вошел пожилой человек низкого роста, бледный, сухощавый. Он сбросил с себя синий плащ, прикрывавший иезуитский наряд, поклонился низко гетману и сказал обыкновенное приветствие католических священников: «*Laudatur Jesus christus!*»

— *In secula seculorum, amen!* — отвечал Мазепа и, указав рукою на стул, примолвил: — Присядь, старый приятель, патер Заленский, и поговорим о деле. — Патер снова поклонился и сел, а Мазепа продолжал: — Перед племянником у меня нет ничего скрытого, и я стану говорить с тобою без обиняков, по врожденной мне откровенности и моей казацкой простоте. Начну с повторения сказанного уже мною тебе, патер Заленский, что пока вы не избавите меня от Палея, до тех пор у меня руки будут связаны. Я человек добродушный, не питаю к нему ненависти, а напротив того, много уважаю его. Но он вреден для нашего общего дела, и если вы искренно желаете освободить Украину от русского владычества, то должны начать со старого Палея, на которого оно опирается в здешнем крае. Притом же Палей жесточайший враг поляков и без разбору опустошает владения приверженцев обоих

королей в Польше. За это самое он уже достоин казни! Я не постигаю, почему русский царь до сих пор терпит хищничество этого разбойника и не слушает ничьих жалоб на него! Вероятно, Палей оклеветал меня перед царем и царь, сберегая Палея и позволяя ему владеть независимо от меня Хвастовским полком и отнятыми у польских панов землями, хочет держать в узде меня, с моими полками, надеясь на неусыпность Палеевой вражды. Когда же не станет Палея — я буду один властелин в Малороссии и Украине и тогда... тогда могу безопасно совещаться о союзе с королями!

— Но я не предвижу, какими средствами можем мы избавиться от Палея... — сказал иезуит, потупя взоры. — У нас нет войска в этой стороне, а атаман Заднепровских казаков в дружбе с ним и следует его советам...

— Полно, полно! — возразил Мазепа. — Ведь мы учились с тобой в одной школе, патер Заленский! Помнишь ли, как нам повторяли, что, где нельзя быть львом, там должно сделаться лисицей. В Украине много тайных католиков и учеников ваших, патер Заленский, а на что не решится католик с разрешения духовного отца и с уверенностью, что он действует для блага церкви! Иезуитский Орден уже не раз делал чудеса и доказал, что чашке шоколаду или рюмке вина он может дать силу пули и кинжала. Патер Заленский,

пожалуйста, будем откровенны между собою. Я человек простой, не хитрый, и у меня, как говорится, сердце на ладони. Вот, например, первый любимец Палея, Огневик, который теперь в Батурине, твой ученик и друг. Здесь было бы опасно для нас, если б он увидел тебя и узнал, что ты приехал сюда под именем врача; но когда б ты встретился с ним в другом месте и растолковал ему, какая польза была бы для него, если б старик Палей отправился *ad patres*, какие награды получил бы он от королей?

— Нет, ясновельможный гетман, об этом и думать напрасно, — отвечал иезуит. — Огневик обязан Палею жизнью и воспитанием и ни за что не изменит своему благодетелю. Я хорошо знаю этого молодого запорожца. Науки образовали ум его, но нисколько не укротили в нем дикости запорожской, не обуздали пылкого нрава и не изгладили того простосердечия, которым отличаются они в самой своей свирепости. С Огневиком нельзя делать попыток в подобных делах. Он хладнокровно готов перерезать половину рода человеческого, если б это надобно было для безопасности разбойничьего притона его благодетеля, но за все земные блага не сделает того, что почитается злом в их шайке. Огневик умен и просвещен за пером и за книгою, но при сабле он тот же хищный зверь, как и все запорожцы. С ним страшно переговариваться!..

— Так приищи другого... Нельзя ли употребить женщин? Это стрелки и наездники иезуитского воинства, патер Заленский! — сказал с улыбкою Мазепа.

— Дело это надобно обдумать, и я обещаюсь вам, ясневельможный гетман, предложить его на общее совещание в нашем коллегииуме. Но прежде надобно решить важнейшее. Благоволите подписать договор, ясневельможный гетман, которого ждут с нетерпением их величества!

— Подписать! — сказал с улыбкой Мазепа. — Я не думал, чтоб, при твоём благоразумии, ты был так тороплив, патер Заленский. Царь Петр, купивший мудрость опытностью, повелел присягать своим воинам, чтоб они во всем поступали: «как храброму и неторопливому солдату надлежит» Подлинные слова из военной присяги... *Scripta manent, verba volant*, патер Заленский! Ты человек умный, итак, скажи же мне, на что бы пригодилось королям условие подписанное мною, если б его величество король шведский отложил намерение свое вторгнуться в Россию чрез Украину и заключил мирный договор с царем, а вследствие того, если бы мое содействие было ненужным его величеству, и с моей стороны даже невозможным?

— Тогда бы их величества возвратили вам, ясневельможный гетман, подписанный вами трактат, в такой же тайне, как и получили, —

отвечал иезуит.

— Итак, для избежания затруднений при сбережении тайны, пусть же этот трактат останется неподписанным до тех пор, пока гласность его не будет ни для кого опасною. Я даю тебе мое гетманское слово исполнить все условия, изъясненные в трактате, как только король шведский вступит с войском в Украину и когда вашим содействием я, до того времени, избавлюсь от Палея, который своим влиянием мог бы помешать мне. Слово мое прошу передать их величествам. Одиннадцатая заповедь моей веры: *Verbum nobile debet esse stabile.*

— Но все, что вы изволите говорить, ясневельможный гетман, не согласно с данным мне наставлением при отпуске к вам, — возразил иезуит, — и не удовлетворит...

— Как угодно, патер Заленский, — сказал Мазепа, прервав слова иезуита, — я человек простой, не хитрый и говорю откровенно, по-казацки, что думаю. Я буду верный слуга их величествам, но не прежде, как могу свободно действовать. Это мое последнее слово!

— Этот ответ не утешит княгини, — примолвил иезуит, — она особенно поручила мне сказать вам...

— Об этом после, патер Заленский! — возразил быстро Мазепа и, оборотясь к

Войнаровскому, который во время этого разговора стоял почти неподвижно возле стола и слушал со вниманием, сказал: — Поди, любезный племянник, и узнай, готовы ли лошади и провожатые для почтенного моего врача. Да останься в канцелярии, пока я позову тебя, когда будет нужно.

Войнаровский приметно смутился, когда иезуит сказал о княгине. Не говоря ни слова, он вышел из почивальни и медленными шагами, в задумчивости, удалился из комнат гетманских.

— Хотя я и сказал тебе, патер Заленский, что перед племянником я не имею тайн, но ты должен был догадываться, что сердечные дела исключаются из общего разряда. Напрасно ты намекнул при нем о княгине!

— Прошу извинить меня, ясновельможный гетман, но мне мало остается времени для переговоров с вами, и притом же я так был занят моим предметом, что совсем забылся...

— Ну, что ж говорит прелестная княгиня Дульская? — спросил Мазепа, устремив пристальный взор на иезуита.

— Она приказала мне сказать вам, ясновельможный гетман, что с тех пор, как вы приобрели любовь ее и получили согласие на вступление в брак, княгиня находится в весьма затруднительном для нее положении и не знает, как из него выпутаться. Родственник ее, король

Станислав, не зная о ваших связях с нею, принуждает ее решиться на выбор мужа из числа знатнейших вельмож польских, старающихся получить ее руку. При нынешних междоусобиях в Польше это послужило бы к поддержанию королевской стороны. Другие родственники княгини, которых участь соединена с торжеством короля, также просят ее неотступно об этом. Будучи душевно к вам привязана, она решила бы оставить все свои надежды в Польше и приехать к вам, если б не опасалась, что брак с родственницей друга Карла XII повредит вам в мнении царя московского. Итак, она просит вас покорнейше утвердить подписью договор с королями; тогда она объявит королю Станиславу, что она ваша невеста, и освободится от утруждающих ее убеждений, близких к принуждению. Но пока она не уверена, что вы союзник ее родственника, княгиня боится открыть ему о своих связях с вами, чтоб не подвергнуться подозрению, ибо весьма многие почитают вас искренним другом царя Петра.

Мазепа задумался.

— Вспомни, патер Заленский, историю Самсона с Далилою! — сказал он, улыбаясь. — Сила моя также вмещается в тайне, и если тайна сия выльется на бумагу до времени, то я попаду во власть филистимлян! Но для успокоения княгини я напишу к ней письмо!

Вдруг вдали послышался шум, и татарин опрометью вбежал в комнату. Он истолковал Мазепе, знаками, что внизу, в сенях, где находилась стража сердюков, произошло замешательство. Гетман забыл о своей болезни, вскочил с кресел, схватил пистолеты со стены, подпоясался кушаком, положил их за пазуху и вышел поспешно из почивальни, опираясь на плечо татарина. Иезуит, трепеща от страха, спрятался под кровать. Когда Мазепа прошел чрез залу и приближался к передней, он услышал звук оружия и яростные вопли сердюков. Отворив двери на лестнице, гетман встретил Войнаровского, который бежал к нему вверх. Они остановились, чтоб объясниться.

ГЛАВА II

Извлек он саблю смертоносну:

*— Дай лучше смерть, чем жизнь
поносну*

Влачить мне в плене! — он сказал.

И. И. Дмитриев

— Что это значит? — спросил Мазепа. Войнаровский отвечал:

— Орлик, проходя по коридору нижнего жилья, увидел при слабом свете фонаря человека, который притаился за столбом. Когда Орлик

подошел к нему, он бросился на него, свалил с ног Орлика и стремглав побежал по задней лестнице, ведущей в сад. По счастью, дверь на том крыльце была заперта и стража успела окружить дерзкого. Вообразите наше удивление, когда в этом ночном посетителе мы узнали Огневика, посланца Палеева!..

— Огневик!.. Посланец Палея!.. В моем доме... ночью!.. — вскричал Мазепа. — Измена!.. Коварство!.. Он, верно, хотел убить меня!..

— Так и мы думаем, — примолвил Войнаровский, — и потому велели схватить его живого, чтоб расспросить. Но он не сдается, невзирая ни на угрозы, ни на увещания, и уже переранил нескольких сердюков.

— Вы очень умно поступили, что не велели убить его на месте, хотя он и заслужил это, — сказал Мазепа. — Но постой, я поймаю этого зверя тенетами!

Опершись одною рукой на Войнаровского, а другою на татарина, Мазепа сошел с лестницы в большие сени. В углу, у печи, стоял молодой человек исполинского роста, в коротком куптуше, в широких шароварах и в низкой бараньей шапке. Он махал саблей, отклоняя удары, которые старались ему нанести сторожевые сердюки. Один из сердюков, увидев Мазепу, закричал:

— Ясневельможный пане гетман! Позволь

пустить пулю в лоб этому головорезу! Он уж умылся нашею кровью, и мы только напрасно бьемся с ним!..

— Никто ни с места! — сказал Мазепа повелительным голосом. — Кто смеет обижать в моем доме дорогого гостя и посланца моего приятеля, полковника Хвастовского полка? Прочь все, отступите от него! А тебя, пан есаул Огневик, прошу извинить, что люди мои тебя обеспокоили.

Бой прекратился. Сердюки с ропотом отступили, и Огневик в замешательстве не знал, что делать. Он не промолвил ни слова и с удивлением смотрел на Мазепу, который приближался к нему медленно, прихрамывая. Подойдя к Огневику на три шага, Мазепа вынул из-за пазухи пистолеты и отдал их татарину, дал знак, чтоб он отнес их назад, в почивальню. Потом, оборотясь к сердюкам, стоявшим в некотором отдалении, сказал:

— Сабли в ножны, ружья по местам!

— Ты видишь, — сказал Мазепа Огневику, — что я не намерен поступать с тобой неприятельски. Вот ты стоишь вооруженный противу меня, безоружного, и я вовсе не подозреваю в тебе злого умысла. Ты гость мой; поди со мною в мои комнаты, и мы объяснимся с тобой дружески. Притом же ты окровавлен и, кажется, ранен. Если б я желал тебе зла, то ты видишь, что, по одному моему слову, ты лежал бы трупом на месте. Но я,

напротив того, желаю тебе всякого добра и рад случаю показать полковнику Палею мое к нему уважение и дружбу ласкою и снисхождением к его посланцу. Пойдем со мной, пан есаул!

Огневик, казалось, колебался; наконец он вложил окровавленную саблю в ножны, снял шапку и, поклонясь гетману, сказал:

— Я противустоял насилию, но покоряюсь беспрекословно ласковому приказанию и готов исполнить все, что вы прикажете, ясневельможный гетман!

Мазепа подошел к Огневику и, потрепав его по плечу, примолвил:

— Я люблю таких молодцев! Пойдем-ка ко мне и переговорим спокойно и по-приятельски, а там ты пойдешь себе, с Богом, куда захочешь.

Мазепа, опираясь на Войнаровского и на Орлика, пошел вверх по лестнице, оставив в недоумении и негодовании сердюков, которые роптали, про себя, за такое снисхождение к дерзкому пришельцу. Орлик втайне разделял чувства сердюков. Огневик следовал за Мазепой, который пошел в свой кабинет, послав служителя вперед засветить там свечи. Вошел туда, Мазепа сел в кресла и сказал Войнаровскому и Орлику:

— Подите, детки, к доктору, в мою почивальню. Он, верно, соскучился в уединении! Я позову вас, когда будет надобно. Велите татарину

стоять у дверей. Не опасайся ничего! — примолвил он, обращаясь к Огневику: — Мы с тобой останемся наедине, и татарин станет у дверей не для стражи, а для помощи мне, хворому, в случае надобности.

Войнаровский и Орлик вышли из комнаты.

— Ты, пан есаул, человек умный, а потому я с тобой стану говорить без обиняков, со всею моею откровенностью. Скажи: что б ты подумал о теперешнем случае, если б ты был на моем месте? Полковника Палея почитают врагом моим. Тебя, его верного и неизменного сподвижника, находят ночью в моем доме прячущегося от моих людей, и, наконец, когда велют тебе положить оружие и объясниться, зачем ты ночью вошел в гетманский дворец, оберегаемый стражею, куда не позволено входить без позволения даже верным моим генеральным старшинам и полковникам, — ты стараешься силою выйти из моего дворца и бьешь моих людей! Скажи, пан есаул, что б ты подумал об этом, будучи на моем месте?

— Признаюсь, ясневельможный гетман, — отвечал Огневик, — что с первого взгляда можно счесть меня преступником. Но клянусь пред вами Богом и совестью, что я не повинен ни в каком злом противу вас умысле. Я проходил вечером мимо вашего сада. Калитка была не заперта, и я вошел в него погулять. Прилегши на траву, я заснул и

проснулся уже поздно. Желая возвратиться тем же путем, я нашел калитку запертою и потому хотел пройти чрез сени, увидев отпертую дверь на заднем крыльце. Не зная расположения дома, я запутался и попал в коридор. Послышав шаги в коридоре, я почувствовал неосторожность моего поступка и хотел спрятаться от проходящего, чтоб не возбудить в нем подозрения. Орлик напал на меня, закричал на стражу, и я, не думая ни об чем, по врожденному чувству, стал обороняться. Вот все, что я могу сказать в свою защиту, и прошу вас, ясневельможный гетман, верить мне.

Пока Огневик говорил, Мазепа писал карандашом на лоскутке бумаги. Когда Огневик кончил свое оправдание, Мазепа захлопал в ладоши. Вошел татарин. Мазепа отдал ему записку, сделав несколько знаков, и татарин, кивнув головою, снова вышел. Тогда Мазепа сказал Огневику:

— То, что ты изволил сказывать, пан есаул, было бы хорошо выдуманно, если б мне не известно было, что ключи от садовой калитки и от задних дверей хранятся у Орлика и что двери отпираются по моему приказанию. Впрочем, подобрать ключ к замку не великая мудрость и его может подделать каждый слесарь. Но не в том дело. Мне давно уже сказывали, будто Палей хочет знать внутреннее расположение моего дома и намеревается

подослать убийцу, чтоб умертвить меня. Я уверен, что ты не взял бы на себя такого гнусного поручения; но скажи мне откровенно, не слыхал ли ты чего-нибудь об этом? Жизнь твоя была в моих руках, но я не воспользовался моим преимуществом и поступил с тобой, как с приятелем. Из благодарности ты можешь сказать мне, для моей предосторожности, справедлив ли этот слух?

— Я никогда и ни от кого не слыхал об этом и готов жизнью ручаться за полковника Палея, что он не в состоянии покуситься на такое гнусное дело. Он человек горячий, сердитый, но честный и простодушный. Врага своего он готов убить в бою или в единоборстве, но никогда не посягнет на ночное убийство. В этом вы можете быть уверены, ясневельможный гетман!

Мазепа лукаво улыбнулся.

— Дело идет не о похвальных качествах полковника Палея, но об его вражде ко мне, — сказал он. — Неужели он не дал тебе никакого другого поручения, кроме предложения своей покорности? Мне что-то не верится, пан есаул! Будь откровенен со мною и выскажи всю правду. Если ты боишься Палея, то я даю тебе гетманское слово, что завтра же сделаю тебя полковником в нашем верном войске малороссийском и дам вотчину, в вечное владение.

— Я не хочу ложью приобретать ваши

милости, ясневельможный гетман, — отвечал Огневик. — Полковник Палей не давал мне никакого другого поручения и не имеет никакого злого противу вас умысла. Напротив того, он желает помириться с вами и поступить под ваше начальство.

— Он не должен был выбиваться из моего законного начальства, — возразил Мазепа. — Но я вижу, что с тобой нечего делать: ты не знаешь ни благодарности, ни обязанности своей к законному твоему гетману. Бог с тобой! Я на пишу сейчас письмо к полковнику Палею, и ступай себе, с Богом, в Белую Церковь! Ты должен немедленно, сей же ночью отправиться в путь. Однако ж, после того что случилось здесь, я не могу тебя отправить восвояси иначе, как в сопровождении моей стражи. Надеюсь, что ты эту предосторожность не сочтешь излишнею?

— Мой долг повиноваться вам, ясневельможный гетман! — отвечал Огневик.

— Хорошо было бы, если б это была правда, — сказал Мазепа, улыбнувшись, и, не ожидая ответа, принялся писать. Огневик между тем стоял у дверей и ожидал, когда он кончит. Вошел татарин и, сделав несколько знаков, удалился. Мазепа положил перо и сказал Огневику:

— Прежде отъезда ты должен непременно явиться к полковнику царской службы, Протасьеву,

который находится при войске малороссийском, по повелению царя для наблюдения за пользами службы его царского величества. Он должен засвидетельствовать, что ты отпущен отсюда цел и невредим. Но твоя одежда изорвана и облита кровью, а в таком виде неприлично тебе явиться к царскому чиновнику. Поди в ближнюю комнату, умойся и переоденься. Я велю выдать тебе что нужно!

Мазепа хлопнул в ладоши, и татарин снова явился.

По данному Мазепою знаку, татарин отворил двери в другую комнату, взял со стола свечу и кивнул на Огневика, который беспрекословно последовал за ним. Мазепа пошел в почивальню.

Огневик вошел в небольшую комнату с перегородкою. Несколько пар платья лежало на стульях; на столе стоял умывальник. Татарин показал знаками, что должно раздеться. Огневик отпоясал саблю, снял с себя кафтан и хотел умываться. Но в самую эту минуту татарин схватил саблю Огневика и перебросил ее чрез перегородку, в которой дверь мгновенно отворилась и четверо сильных сердюков бросились опрометью на Огневика, не дали ему опомниться, повалили на пол, связали веревками по рукам и по ногам, рот завязали полотенцем и потащили за перегородку. Татарин поднял дверь с полу, и сердюки спустили

Огневика по высокой и крутой лестнице в подземный погреб. Там, при свете лампы, уже ожидал их тюремный страж, который из огромной связки ключей выбрал один и отпер боковые железные двери в небольшой, но высокий погреб. Здесь сердюки помогли тюремщику приковать Огневика к стене, подостлали под него связку соломы, развязали ему рот, поставили при нем ведро воды и положили кусок хлеба. Огневик не промолвил слова во все это время и, будучи не в силах противиться, беспрекословно позволял делать с собою все, что им было угодно. Татарии с приметною радостью помогал сердюкам приковывать Огневика, и, удаляясь из погреба вместе с сердюками, с улыбкой погладил узника по голове, и провел несколько раз указательным пальцем по шее, как будто давая знать, что его ожидает. Страж взял лампаду, вышел последний из погреба и запер двери снаружи внутренним и висячим замком. Огневик остался во мраке.

Мазепа, пошутив над иезуитом насчет его трусости, сказал ему:

— Теперь, патер Заленский, ты должен остаться на несколько дней у меня и переговорить со старым своим знакомцем, Огневиком, которого уже нечего опасаться. Во что бы ни стало, но я узнаю, зачем приятель Палей подослал ко мне своих людей. Один из них уже в мешке, а за другим

я послал моих сердюков!

— Сомневаюсь, ясневельможный гетман, чтобы вы могли выпытать что-нибудь от Огневика, — отвечал иезуит. — В нем душа железная!

— А мы смягчим это железо в огне! — возразил Мазепа. — Ты знаешь, старый приятель, что душа столько же зависит от тела, как тело от души. Крепкое тело сначала изнурим мы постом и оковами, а твердую душу ослабим мраком и уединением. Верь мне, патер Заленский, что самый твердый, самый мужественный человек, который презирает смерть с оружием в руках, при свете солнца, и даже готов выдержать жесточайшую пытку в крепости сил телесных, что этот самый человек, лишенный пищи, движения, света и воздуха, непременно упадет духом, по прошествии некоторого времени... Ведь тюрьма именно для этого и выдумана умными людьми.

— Но что скажет Палей, узнав, что вы, дядюшка, задержали его посланцев? — сказал Войнаровский.

— Он и до сих пор не говорил об нас ничего доброго, — возразил Мазепа с улыбкою. — Посланцы его так же, как и он сам, суть мои подчиненные, и я имею полное право над ними.

— Но если Палей искренно желал примирения, если Огневик в самом деле невиновен

в злом умысле?.. — возразил Войнаровский.

— Тогда Палею должно было самому явиться с повинною, а посланцам его надлежало вести себя осторожнее, — отвечал Мазепа. — Я сам человек простодушный и неподозрительный, как и ты, любезный племянник: но всему должна быть мера. Впрочем, это дело общественное, а не мое собственное, и я обязан исследовать его порядком. Послушаем, что скажет Орлик. Что ты думаешь, Орлик, как должно поступить в этом случае?

— По моему мнению, так этого ночного разбойника надобно взять в порядочные тиски и выжать из него всю правду, после, для примера, петлю на шею, да на первую осину! — сказал Орлик.

— Орлик говорит как человек государственный, — сказал Мазепа, — а ты, племянник, все еще нянчишься со своими школьными понятиями о делах и об людях. Ты знаешь, что я не люблю проливать крови, что я не могу смотреть равнодушно, когда режут барана — но, где общее благо требует жертв, там скрипя сердце должно прибегать даже к жестоким средствам. Если б Огневик сознался добровольно, я не тронул бы волоса на голове его, а теперь... он должен выдержать пытку. Не правда ли, Орлик?

— Иначе быть не может и не должно, — отвечал Орлик.

— Орлик понимает дело, — примолвил Мазепа, — а ты, патер Заленский, мой старый приятель и школьный товарищ, что скажешь об этом?

— Вы лучше меня знаете, что должно делать, ясневельможный гетман, — отвечал иезуит. — Но я думаю, что к крайностям должно прибегать в таком только случае, когда они могут принести верную пользу. Огневика же вы не заставите муками изменить своему благодетелю.

— Так я накажу его за измену мне, законному его гетману, — сказал Мазепа. — Но вот привели и другого...

В комнату вошел любимый казак Мазепы, Кондаченко, и остановясь у дверей, сказал:

— Иванчук ушел из города!

— Как! когда? — воскликнул Мазепа в гневе.

— Недавно, в то самое время, как мы управлялись здесь с его товарищем, Огневиком, — отвечал Кондаченко. — Они жили в доме хорунжего Спицы, который, уже четвертый день, отправился в Стародуб. Мы допросили жену его и парубков. Жена хорунжего сказала нам, что Иванчук был в своей светлице и ждал товарища, как вдруг кто-то постучался у окна, шепнул что-то на ухо Иванчуку, а тот пошел в конюшню, оседлал коня, съехал со двора — и только!..

— Измена! заговор! — сказал Мазепа, ударив

рукой по столу, — но я все узнаю, все открою! Послать погоню за беглецом...

— Наши поскакали уже по всем дорогам, и сам есаул Небеленко понесся по Винницкому тракту с десятью казаками, — отвечал Кондаченко.

— Хорошо, спасибо вам, братцы! Видишь ли, Орлик, как глубоко Палей запустил свои когти в мою гетманщину, — сказал Мазепа. — Иванчука тотчас уведомили, что делается в моем доме. Не дремлют приятели! Теперь, патер Заленский, нельзя нам полагать, что ночное посещение Огневика есть случайное. Палей имеет своих лазутчиков в собственном доме моем, ибо кто бы мог известить Иванчука о происшедшем здесь при запертых дверях? Но сам Бог хранит меня, и он же поможет мне открыть измену и наказать изменников. Теперь ступайте почивать, друзья мои! Ты, патер Заленский, не поедешь сегодня. Ты должен знать последствие этого дела, ибо оно может быть связано с общею пользою... Понимаешь меня?.. Ну прощайте! Орлик! осторожность в доме!

Все вышли, и Мазепа остался один с татаринном, который помог ему раздеться и лечь в постель.

Между тем обыск в доме, где проживали посланцы Палеевы, и погоня за одним из них не могли произойти втайне в небольшом и тихом городке. Несколько генеральных старшин из

любопытства, другие из опасения, старались в ту же ночь разведать о случившемся, и некоторые из них собрались в доме Черниговского полковника, Павла Леонтьевича Полуботка, потолковать о сем происшествии. Сей заслуженный воин хотя не мог равняться с Мазепою ученостью, но был одарен от природы умом необыкновенным, укрепленным долговременною опытностью в делах, а проницательностью своею превосходил даже хитрого Мазепу. Полуботок пользовался неограниченною доверенностью всех благомыслящих старшин и любовью народною и потому был ненавистен Мазепе, который почитал Полуботка своим совместником и опасался его ума, веря, что разум только пригоден на козни, к гибели соперников.

Все желанья, все помышления Полуботка клонились к одной цели: к сохранению прав Малороссии, которые он почитал столь же священными, как самую веру, и пока он был убежден, что Мазепа намерен сохранять и защищать сии права, он был искренно предан гетману и даже способствовал его возвышению. Но уверившись в коварстве и в себялюбии Мазепы, Полуботок возненавидел хитрого честолюбца и хотя не выходил никогда из пределов повиновения, но с твердостью защищал права народные и безбоязненно говорил гетману правду. Зная, что

Мазепа наблюдает за всеми речами и поступками его, Полуботок был осторожен, однако ж, по врожденной ему откровенности, не мог всегда скрывать ненависти своей к притеснителю Малороссии и иногда, хотя неясно, обнаруживал свой образ мыслей пред искренними друзьями. же было далеко за полночь, когда пришли к нему Стародубовский полковник Иван Ильич Скоропадский, Нежинский Лукьян Яковлевич Жураковский и Миргородский Даниил Апостол. Полуботок с нетерпением ожидал вестей и весьма обрадовался посещению своих товарищей.

— Скажите, братцы, что это за шум, что за скачка на улицах, в эту пору, в глухую ночь? — сказал Полуботок вошедшим полковникам.

— Сказывают, что посланцы Палеевы хотели убить гетмана, в его дворце, — отвечал Апостол. — Одного из них поймали, а другой ушел.

— Счастливый путь! — примолвил Полуботок, улыбаясь. Потом, помолчав несколько, сказал: — Знаете ли что, братцы? Я не верю всем этим росказням! Не так глуп Палей, чтоб подсылать убийц в Батурын, в гетманские палаты, которые оберегаются с большим усердием, чем наши малороссийские права. Да если б он это и вздумал, то не послал бы на такое опасное дело первых своих любимцев, письменных своих есаулов. Он нашел бы в своей удалой вольнице

довольно головорезов, которые бы давно уже сняли голову, как шапку, с нашего ясневельможного князя! Все это пустое! Гетман не страшен Палею так, как нам, грешным, и он в своей Белой Церкви едва ли не сильнее нашего пана гетмана, которого полки подмазывают колеса в царском обозе да гоняют стада за московским войском Старшины казацкие сильно негодовали на полководцев Петра Великого, которые употребляли более в дело регулярную конницу, а казакам поручали обозную службу... Я скорее бы поверил, если бы что-нибудь подобное случилось в Белой Церкви!..

— Воля твоя, Павел Леонтьевич! — возразил Скоропадский. — А уже здесь есть что-то недоброе. Я говорил со сторожевым сердюком, и он сказал мне, что есаула Огневика поймали в самом гетманском дворце и что он не хотел сдаваться живой...

— Так что же? убили его? — спросил Полуботок.

— Нет, сам гетман вышел и уговорил его сдать... — отвечал Скоропадский.

— Сам гетман! Итак, он не так опасно болен, что не может встать с постели или в постели выслушать нас! — примолвил Полуботок. — Я не хочу судить о деле, которого не знаю в точности, но как гетман уже выходил из комнаты, то завтра же пойду к нему, чтоб он выслушал меня. Что за

чудесного исцелителя привезли из Польши! — примолвил он насмешливо. — Сказывали, что гетман лежит почти без языка и без дыхания, а лишь появился польский лекарь, так ясневельможный наш пан в ту же ночь стал расхаживать и говорить, да еще так убедительно, что убийца отдался ему живой в руки!

— Недаром Польша так мила нашему гетману! Правда, что у гетмана не сходит с языка похвала Польше и всему польскому, а милости получает он втихомолку от русского царя, — сказал Жураковский. — Как Малороссия Малороссией, ни один гетман не был так награжден от царей, как нынешней: он и князь, и Андреевский кавалер, и действительный тайный советник, и вотчинник в Великой России... Уж не знаю, чего ему было желать!

— Ни нами сказано, — примолвил Полуботок, — что чем более дают, тем более хочется; а есть еще такие вещи, которых царь дать не может или не захочет. Ты помнишь, что сказывали Кочубей и Искра в своем доносе?

— Эй, побереги себя, Павел Леонтьевич! — сказал Скоропадский. — Уж ты был раз в тисках за твой язычок; смотри, чтоб в другой раз не попасть в гетманские клещи! Как нам сметь припоминать о доносе, за который враги пана гетмана положили головы на плаху!

— Я ведь не доношу на гетмана, а говорю о деле, всем известном и обнародованном! — возразил Полуботок.

— Нет, воля твоя, Павел Леонтьевич, а я никак не верю, чтоб гетман имел намерение отложиться от России и отдаться в подданство Польше, как доносили царю Искра и Кочубей, — сказал Жураковский. — Наш гетман человек умный и знает, что ему нельзя этого сделать без нас и без воли целого войска, а нет сомнения, что каждый из нас скорей полезет в петлю, чем покорится Польше! Дались нам знать, польские паны и ксензы, и об них такая же память в народе, как предания о чертях да о ведьмах.

— А я знаю, что есть люди в Украине, которые иначе думают, как мы с тобою, Лукьян Яковлевич! — возразил Полуботок. — И эти люди говорят: «Не будь Палея да Самуся за Днепром, так поляки давно бы расхаживали по Киеву и по Батурину!»

— Их и теперь довольно здесь, — примолвил Жураковский. — Почти вся дворня гетманская из поляков!..

— Теперь они служат здесь, а им хочется господствовать, — отвечал Полуботок. — Но полно об этом. Завтра, братцы, надобно всем нам идти поздравить гетмана с благополучным избавлением от измены и убийства, и я произнесу ему

поздравительную речь!..

— Да полно тебе играть с огнем, Павел Леонтьевич! Обожжешься! — сказал Скоропадский.

— Я не шучу и божусь вам, что пойду завтра поздравлять гетмана, — примолвил Полуботок.

— Да ведь ты не веришь ни измене, ни покушению на убийство гетмана! — возразил Скоропадский.

— Верю или не верю — это мое дело, — отвечал Полуботок. — Но пока Полуботок полковник черниговский, а пан Мазепа гетман малороссийского и запорожского войска, до тех пор Полуботок должен наблюдать все обычаи, какие были при прежних гетманах.

— Ну так и нам идти с тобой же? — спросил Скоропадский.

— Без сомнения! Уж когда Полуботок кланяется гетману, так нам должно падать ниц пред ним, — примолвил Жураковский.

— Полуботок кланяется не гетману, а гетманской булаве, — возразил Полуботок. — Но пора почивать, братцы! Прощайте! Завтра, может быть узнаем более.

ГЛАВА III

Каких ни вымышляй дружин,